

Реваншистка

— Мышь?! Да! Самая обычная мышь! Ну и что ж, что белая, — недоумевала Снопа, облизываясь и жадно следя за каждым движением крохотного тельца. Она выжидала момент, когда можно будет, внезапно подпрыгнув, охватить это тонкохвостое существо и преподнести в дар хозяйке. Смущало, конечно, что мышь непривычно серого цвета и сидит, уютно устроившись, спокойно на плече девятилетней внучки хозяйки; а не как прежде, под давно не крашенными скрипучими половицами. И при этом нет ни криков, ни топота, а напротив — добродушный смех. Этот-то смех и сбивал окончательно с толку.

Она хорошо помнила вкус ароматных половинок пряников, благодарное поглаживание около уха, ласковые слова нараспев: "У-у-умница!" — за выслеженных, пойманных мышей.

— Что изменилось? — нервничала Снопа. Каждый раз, когда она сейчас, предвосхищая похвалу, облизуется, напрягшись всем телом, выражает готовность схватить зубами длиннохвостую красноглазую добычу, этот непонятный, необъяснимый смех прямо-таки взрывается над головой.

Мышей она переловила множество, хоть и не родилась котом. Снопа появилась на свет неудавшейся овчаркой, чей вид подпортило присутствие еще какой-то неизвестной породы. Внешнее несовершенство природа компенсировала сообразительностью, хорошей памятью, покладистым характером и даровала неординарную судьбу (если так можно сказать о ее собачьей судьбе).

Будучи щенком с клеймом "не чистая порода" вместо клички, Снопа слонялась по улицам в поисках избавления от ноющей голодный боли в подтянутом почти до позвонков брюхе. Грязные помойки еще до ее рождения были поделены между такими же вечно голодными бесприютными сородичами, но имеющими изрядный опыт по добыванию пищи, дух естественной конкуренции, царивший среди дворовых собак, оставлял нововыброшенного щенка без пропитания. Кровь некогда элитной породы немецкой овчарки преобладала и не позволяла ввязаться в общую кутерьму борьбы за выживание.

Тем более что на тех же мусорниках, но в местах труднодоступных, шныряли изворотливые когтистые твари, умудряясь стащить прямо изпод носа самые лакомые ошметки. Граничащая с ненавистью зависть к врожденной гибкости и верткой предприимчивости семейства коша-

чьих и свирепой ненасытности своих же собратьев, подтолкнула еле живого щенка не к борьбе, а к широкой автостраде с непрерывно движущимися металлическими емкостями, наполненными людьми, продуктами, топливом и еще неведь чем. Все это гудело, шуршало, гремело, неслось.

— Может там, на той, другой стороне есть... — и Снопу внезапно рвануло наперерез мчащемуся потоку. Что-то ударило в бок, перевернуло, отшвырнуло. Она успела заметить белую удаляющуюся на скорости легковушку, а над головой нависло огромное колесо грузовика.

— А-а-а-а!!!

Истерический визг не дал ей закрыть глаза. И чьи-то руки подняли, понесли прочь от боли.

— Снопа, Снопочка! — визгливый накануне, голос стал заботливый и ласковый. — Снопа! Ты жива! Все в порядке! Правду люди говорят: "Заживет как на собаке".

Подстилка была мягкая, В комнате — тепло, женщина суетилась, не решаясь накормить еще слишком горячим супом.

— Какая добрая, — блаженно сопя, размышляла Снопа, — но откуда ей известна моя кличка, если меня никто так не называл?

Имя женщины она уже знала — слышала, как другие звали ее Волей, и та откликнулась. Снопе тоже хотелось назвать ее по имени, сказать что-то очень хорошее, но звук выходил невнятный. А Воля поворачивалась и участливо склонялась к ней.

— Ну, что ж ты скулишь, Снопа? Тебе еще больно?

Квартира давно не видела ремонта. Обвалилась местами падуга; в полу были щели, из которых ночью, а потом уж и среди дня вылазили мыши; засорилась канализация; по стенам поползла зеленоватая плесень. А когда раскололся унитаз, Снопа впервые услышала, как тихонько заскулила Воля, и подошла к ней, и лизнула языком руку. Снопа не знала, что у людей это называется плачем. И еще она не знала, что люди могут плакать оттого, что у них нет денег на ремонт квартир, на одежду, на еду. Она думала, что люди — всеильны. Вот спасла же Воля ее от неминуемой гибели? Значит — всеильна! И если Воля тихонечко скулит — значит, просто этот дом не хорош, — и Снопа придумала уводить свою спасительницу подальше от него: к морю, где пели волны; к песку, где можно было носиться, играть, кувыраться; к солнцу, что грело, светило, давало энергию; к ливне и траве на склонах.

Каждый раз они возвращались уставшие, радостные. Ели теплый суп. А большие сладкие кости Снопа грызла сама, удивляясь тому, что хозяй-

ка не разделяет с ней и эту трапезу. Поздним вечером, перед сном, они выходили во двор. И Снопа показывала ей яркие звезды в темном небе.

II

Перемены вкатились в их жизнь вместе с пустой пестрой детской коляской, которая вскоре наполнилась содержимым: сперва хорошенькой маленькой девочкой, а чуть позже — забавным мальчуганом, их дарила Воле и ее сыну милая хрупкая женщина. А чтобы не скучала Снопа, ей подарили черного щенка, который вскоре превратился в большую глупую собаку. Она сбивала все на своем пути — даже подрастающих Волиных внуков, и к тому же — пачкала в квартире. Но прощалось ей все потому, что рожала щенков, за которые платили деньги. Снопа слышала, что за это ее называли "престижной".

Снопа тоже родила щенков. Двоих утопили сразу, а двоих с трудом пристроили кому-то. Но денег не принесли и не назвали ее престижной.

Потом появились какие-то люди. Они били по стенам, ломали, крушили, делали много шума и пыли, а когда успокоились — в воздухе запахло краской. И Снопа не могла понять, отчего так все радуются. Но когда, заглянув в детскую, увидела большой светящийся диск матового стекла и фосфорно-пластмассовые звезды на потолке, которые загорались, когда диск угасал, — она поняла. Поняла, что пришел всеильный и сделал все это великолепии. И радуются все оттого, что синева неба и моря, и солнце, и звезды, и луна есть теперь в их квартире. А на улицу больше перед сном выходить не надо, чтобы увидеть это чудо.

Единственной загадкой для Снопы в этой большой, теперь счастливой семье оставалась белая мышь.

— Наверное, она "очень престижная".

Дети купают ее в мисочке дорогим шампунем. И специально для мыши приносят так много ветчины и сыра, что перепадает и Воле, и детям, и Снопе, и даже большой глупой собаке. Снопа разгадала, что на мышь теперь охотиться нельзя, иначе и ветчина, и жирный желтый сыр исчезнут из их рациона. И ради этого можно и заглушить в себе охотничий инстинкт.

III

За такую сообразительность и преданность общему делу семьи Воля купила Снопе противоблошинный ошейник и блестящий поводок-цепочку.

И теперь, плавно покачивая располневшими бедрами, Снопа проходит мимо знакомых помоек, даже не глядя в их сторону. Только чуть наморщенный лоб и слегка прижатые уши выдают скрытое волнение памяти.